ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

О. В. Гурецкая

Проблема взаимоотношения и взаимовлияния языка и мышления рассматривается в работах многих ученых. В связи с этим появилось множество теорий, авторы которых придерживаются различных мнений.

В. Гумбольдт полагает, что язык есть инструмент, образующий мысль. Он считает, что обозначение понятия звуком – это соединение двух вещей, каждая из которых индивидуальна, имеет свою форму и никак не может перейти одна в другую. В. Гумбольдт считает, что язык имеет самостоятельную жизнь, а слово побуждает человека определенным способом создавать понятие, но не является эквивалентом чувственно воспринимаемого предмета. Так, люди понимают друг друга не потому, что воспроизводят одно и то же понятие, а потому что в процессе воспроизведения слов мы как бы «затрагиваем» центры умственных представлений, содержащие понятие о данном слове. Поэтому, произнося одно и то же слово, мы подразумеваем одинаковое, но понятие о данном предмете у всех разное.

Большое внимание проблеме языка и мышления уделял известный ученый А. А. Потебня. Он считал, что область языка далеко не совпадает с областью мысли, и при этом полагал, что мышление может существовать и без языка [4, с. 52]. В целом мнение А. А. Потебни заключается в том, что язык не равен мысли.

Академик В. В. Виноградов не обособлял язык и мышление. Он рассматривал отношения языка и мышления как единство, но никак не отождествлял их.

Немецкий лингвист А. Шлейхер считал, что язык и мышление тождественны. Для него язык равен мышлению, выраженному звуками [1, с. 11]. А. Шлейхер не только подразумевал единство языка и мышления, но и пытался установить определенные отношения между структурой языка и строением мышления. По его мнению, в мысли следует различать материал и форму: материалом являются понятия и представления, форму создают взаимоотношения понятий и представлений. Понятие и представление, получив звуковое выражение, образуют значение [1, с. 11].

Ф. де Соссюр полагал, что «язык – лист бумаги, мысль – его лицевая сторона, а звук оборотная. Нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав оборотную. Так и в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли. Этого можно достичь лишь путем абстракции» [5, с. 44]. Он считал, что это настолько взаимосвязанные понятия, что нет возможности утверждать, что из них первично, а что вторично.

Множество современных исследований говорят, что родной язык очень сильно влияет на то, как люди воспринимают мир вокруг себя. Язык способен формировать практически все способности восприятия. Начиная от способа восприятия времени и пространства, до взаимоотношений между людьми и т. д. Рассмотрим некоторые проявления выше указанных явлений. Так, в русском языке есть специальные термины для оттенков одного и того же цвета. Например, русские могут отличить голубой от темно-синего, сапфировый от ультрамаринового. В английском же языке для описания вышеперечисленных оттенков цвета используется только один основной цвет: синий (*blue*).

В языках некоторых австралийских аборигенов нет слов *лево* и *право*. Для обозначения направления они используют стороны света: юг, север, восток и запад, что влияет на развитие хорошей пространственной ориентации. «Так, носитель этого языка может попросить больше места в машине, сказав: “Передвинься немного на восток”» [8]. Можно предположить, что только при помощи языка становится возможным развить способность хорошо ориентироваться в пространстве.

Носители английского и китайского языков имеют разные способы представления о времени. Так, в английском языке время репрезентируется как что-то «горизонтальное», как, например, в выражениях *next day*, *next time*. В китайском же языке время представляется как нечто «вертикальное», например, 下次 – ‘следующий раз’, дословно – ‘нижний раз’, 上个月 – ‘прошлый месяц’, дословно – ‘верхний месяц’.

Рассматривая категорию времени в китайском языке, можно заметить, что в мышлении китайцев существует понятие о неотделимой связи между понятиями времени с понятием пространства. «Даже обозначение мельчайшей частицы времени посредством иероглифа shùn (瞬) с детерминативом ‘глаз’, подразумевающим мигание глаза, также может иметь в качестве второго компонента иероглиф 间 jiān ‘помещение’: сочетание shùnjiān (瞬间) – это ‘один миг’» [6, с. 31].

В языковой картине мира китайцев присутствует линейно-историческая модель. Так, для обозначения того, что находится сзади и впереди, а также предшествующего и будущего поколений, используются одни и те же лексические единицы (前, 后). При этом те, кто родился раньше говорящего, это ‘впереди идущие’, его предшественники 前人, а те, кто родился позже говорящего, его потомки, – это ‘следующие за ним’ 后人. Таким образом, линейное историческое время отсчитывается говорящим как будто в обратном порядке.

Нельзя не отметить специфическое отношение китайцев к сторонам света (东 dōng ‘восток’, 西 xī ‘запад’, 南 nán ‘юг’, 北 běi ‘север’). «Для носителя китайского языка данные понятия означают намного больше,

нежели для носителя русского. Начиная от названия городов (东京 Dōngjīng ‘Токио’, 北京 Běijīng ‘Пекин’, 南京 Nánjīng ‘Нанкин’) до названий городских районов (东城区 dōng chéngqū ‘район Дунчен’, 西城区 xī chéngqū ‘район Сичен’) часто используются лексические единицы, обозначающие стороны света, что в русском языке наблюдается крайне редко. Обозначение частей света можно найти в некоторых выражениях обиходной речи, так конструкция 东 dōng… 西 xī… (букв. ‘восток… запад…’) часто выступает в значении ‘везде’, ‘повсюду’» [6, с. 33].

Следует отметить, что при перечислении сторон света русскоговорящий, скорее всего, скажет «север, юг, запад, восток», а представитель китайской лингвокультуры – «восток, запад, юг, север». Данные понятия имеют более широкую сферу употребления, вследствие чего можно говорить об их особой значимости в рамках языкового сознания носителя китайского языка, понимания данных единиц как способа объяснения пространственных отношений, не ограничивающихся указанием сторон света.

Интересным является способ отображения «мира звуков». Если в русском языке используется огромное количество глаголов, характеризующих звуки того или иного животного (кошка мяукает, петух кукарекает, волк воет, тигр рычит, птица поет), то в китайском языке для данной характеристики используется только одна лексическая единица, характеризующая звуки, издаваемые человеком: 叫 jiào ‘кричать’. «Однако “глухота” к животному миру компенсируется наличием в китайском языке множества ономатопоэтических слов, имитирующих звуки природы. Ручей может “радостно петь” (涓涓 juānjuān), а дождь может “весело капать” (滴滴答答 dīdīdádá), шум взрыва “раскатывается” (轰隆隆 hōnglónglóng) и т. д.» [6, с. 47].

Подобные примеры доказывают, как лингвистические формулы способны влиять на восприятие человеком мира, как его родной язык может формировать способы оценивания и восприятия той или иной ситуации. Проблема взаимоотношения и взаимовлияния языка и мышления является одной из важнейших научных проблем лингвистики. Несмотря на большое количество теорий, доказывающих взаимовлияние языка и мышления, и опровергающих данные теории, все же человеческая мысль «оформляется» языком. А мысль, в свою очередь, вне языка может быть передана только посредством жестов и мимики.

Литература

1. *Белянин В. П.* Психолингвистика. М., 2003.
2. *Галкина-Федорук Е. М.* Творческий путь академика В. В. Виноградова // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сборник статей. М., 1956. С. 3–11.

3. *Гумбольдт В. фон*. О различии организмов человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
4. *Потебня А. А*. Мысль и язык // Собрание трудов. М., 1999.
5. *Соссюр де Ф*. Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
6. *Тань Аошуан*. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М., 2004.
7. Как язык влияет на способ мышления? // Атласнет. Интернет-адрес: http://atlasnet.ee/component/content/article/252-kakjazukvlijaet.
8. Интерактивный вестник «Почемучка». Интернет-адрес: http://pochemuchka.info/other/pochemu-v-yazyke-avstraliyskikh-aborigenov-guugu-yimitir-ne-suschestvuet-kontseptsiy-levo-i-pravo.

ПАРАЎНАЛЬНЫ АНАЛІЗ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ СА ЗНАЧЭННЕМ ‘КАХАЦЬ’ У ПОЛЬСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ

К. У. Дурко

Прадметам нашага даследавання з’яўляюцца беларускія і польскія фразеалагічныя адзінкі, якія характарызуюць пачуццё кахання, іх унутраная і знешняя форма.

У дадзенай працы мы выкарыстоўваем шырокае разуменне фразеалогіі, з улікам прыказак і прымавак.

Шляхам суцэльнай выбаркі з лексікаграфічных крыніц, якія пададзеныя ў спісе літаратуры, было выбрана і класіфікавана 40 беларускіх і 76 польскіх уласна фразеалагізмаў, 75 беларускіх і 90 польскіх парэмій са значэннем ‘кахаць’.

1. КЛАСІФІКАЦЫЯ ЎЛАСНА ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ СА ЗНАЧЭННЕМ ‘КАХАЦЬ’

У нашым даследаванні былі праведзены наступныя класіфікацыі фразеалагізмаў: па ступені злітнасці кампанентаў, граматычная, семантычная, тэматычная класіфікацыі.

Усе ўласна фразеалагізмы былі класіфікаваныя па ступені злітнасці кампанентаў. Дадзеная класіфікацыя паказала, што сярод выбраных беларускіх адзінак фразеалагічных адзінстваў амаль у два разы больш, чым фразеалагічных спалучэнняў (24 і 13 адпаведна). Сярод польскіх фразеалагізмаў фразеалагічных спалучэнняў, наадварот, больш, чым фразеалагічных адзінстваў (43 і 29). Фразеалагічных зрашчэнняў у абедзвюх мовах менш за ўсё: у беларускай мове 3, у польскай 4.

Усе 40 беларускіх фразеалагізмаў і большасць польскіх (67 з 76) у адпаведнасці з граматычнай класіфікацыяй з’яўляюцца дзеяслоўнымі. Калі ў беларускай мове прысутнічаюць толькі дзеяслоўныя фразеалагізмы, то ў польскай мове сустракаецца 6 назоўнікавых і 3 прыметнікавыя